

ПАМЯТИ ЛУИ РОБЕРА

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 4, с. 172–181

Луи Робер (1904–1985). Афины, 1973 г.
(© Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Fonds Louis Robert)

ТРУДЫ ЛУИ РОБЕРА, ЭЛЛИНИСТА И ИСТОРИКА ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Автор рассуждает о научном методе выдающегося французского ученого Луи Робера (1904–1985), а также о значении его наследия для современной науки об античности.

Ключевые слова: история науки, Луи Робер, греческая эпитафия.

Луи Робер (родился 15 февраля 1904 г. в Лорьере, Верхняя Вьенна, скончался в Париже 31 мая 1985 г.) был наиболее разносторонним и самым плодовитым среди эллинистов и историков античности XX в.¹ Происходя из семьи скромного достатка, рано лишившись отца, Луи Робер благодаря высокому качеству школьного образования в Третьей Французской республике смог воспользоваться «социальным лифтом», который невероятно быстро вознес его на самую вершину университетской карьеры. Приступив семнадцатилетним юношей к занятиям историей и греческой эпитафией в Коллеж де Франс и в Сорбонне у Поля Фукара и Мориса Олло, в возрасте 20 лет он поступает в Высшую Нормальную Школу. В том же году он публикует две свои первые научные статьи. Получив в 1927 г. степень «агреже» по филологии, он сразу же отправляется во Французскую школу в Афинах, где, следуя традиции ее молодых членов, специализирующихся по эпитафии, начинает с изучения дельфийских надписей. В 1932 г., по возвращении из Афин, после примерно двух лет, проведенных в санатории из-за необходимости лечения, Робер был назначен руководителем направления «Историческая география эллинского мира» в Высшей школе практических исследований. С 1939 г. после избрания профессором Коллеж де Франс он удвоил свою преподавательскую нагрузку, где возглавил кафедру «Эпитафии и греческих древностей». Стяжав безупречную международную репутацию, он воспитал множество ученых: вплоть до 1974 г. к нему приезжали учиться из различных уголков Франции, Европы, со всего мира. Будучи директором Французского археологического института в Стамбуле с 1956 по 1964 г., он был удостоен многочисленных титулов и наград, а также являлся членом многих академий, в частности Академии надписей и изящной словесности с 1948 г.

Эта карьера исключительна так же, как и труды, результатом которых она явилась; в них нашли отражение сила личности и невероятная страсть. Эта страсть, которая не исчезла до последних дней Л. Робера, была источником его требовательности и даже суровости по отношению к коллегам до такой степени, что он поражал всех своих современников или внушал им робость. Нужно прочитать воспоминания его современников и его прямых учеников, чтобы рассмотреть портрет этого человека и понять жизнь, посвященную науке, которую он прожил вместе

Руссе Дени – профессор, руководитель исследований Практической школы высших исследований, Париж.

Автор сердечно благодарит А.В. Белоусова за перевод данной статьи на русский язык.

Перевод выполнен при поддержке Fondation Maison de sciences de l'homme, LabEx TransferS и École normale supérieure (AOROC-CNRS, Paris).

¹ Воспоминания о Луи Робере и рассказы о его личности и трудах можно найти в статье: Gauthier 2007; см. также: Petzl 2002; Knoepfler 2005, 32–43; Bowersock 2008; Rousset 2012.

со своей супругой Жанной, урожденной Вансеверан (родилась 31 декабря 1910 г., скончалась 31 января 2002 г.)²: со дня их свадьбы Жанна Робер была его самым близким сотрудником и соавтором части его трудов. Один из учеников Луи Робера рассказывал автору этих строк, что когда мэтру предлагали создать «команду» для издания надписей из тех или иных раскопок в Малой Азии, тот отвечал: «Я доверяю только моей жене». Это показывает, насколько сильно увлеченность греческой цивилизацией объединяла супругов-сотрудников на протяжении жизни, а также насколько сильно Луи Робер опасался тенденции к созданию «лабораторий» и «рабочих групп»³, все более проявлявшейся начиная с 1970-х годов.

Действительно, в своей квартире-библиотеке в Париже по адресу «авеню Рене-Коти, 31» Жанна и Луи Робер в уединении провели жизнь и написали сочинения, достойные великих ученых-эрудитов XIX столетия. К моменту смерти Луи Робера в 1985 г. объем напечатанных трудов насчитывал примерно 19 тысяч страниц и 461 название, среди которых около 30 книг. Кто мог бы похвалиться тем, что прочитал все эти сочинения, тем более среди тех, для кого французский язык не является родным? Впрочем, известно высказывание одного американского ученого: «Из-за Луи Робера нам пришлось выучить французский». С другой стороны, некоторые статьи Л. Робера переведены на немецкий, английский, новогреческий, турецкий, а теперь благодаря отрядной инициативе А.В. Белоусова и на русский. Всякий эллинист или историк античности должен прочесть по крайней мере какую-то часть трудов Луи Робера. Мы тем не менее позволим себе здесь охарактеризовать ряд особенностей и показать некоторые грани его творчества, которое само по себе есть урок метода и которое представляет собой широчайший и блестящий взгляд на политическую, социальную и культурную историю греческой античности.

В отличие от историков, занимающихся другими эпохами, у которых в целом наблюдается переизбыток изданных и неизданных источников, историк античности, а в особенности специалист по античной Греции имеет возможность прочесть и изучить исчерпывающим образом все источники по избранной им теме. Эта возможность становится обязанностью, если историк, отстранившись от абстрактного конструирования надуманных схем, построенных только на тех документах, которые выбраны ради удобства доказательства, ставит себе целью исследовать свой предмет в его полноте, стремясь черпать из самых разных источников, таких, как археология, произведения искусства и тексты, древние авторы, папирусы и надписи. Сегодня такой подход называют мультидисциплинарным и, таким образом, постулируют – называя себя попеременно, например, археологом, эпиграфистом, нумизматом – разнообразие и даже множество специальностей внутри профессии, которую в действительности уже ученые XIX и XX вв. рассматривали как единую.

Именно эту профессию защищал и образцово воплощал в себе Луи Робер, уделяя внимание в первую очередь источникам, извлекаемым из-под земли: надписям, монетам, стелам с рельефами, папирусам, амулетам. Действительно, в его глазах именно эти источники могли обновить наше знание о греко-римской античности в большей степени, чем одно только изучение текстов античных авторов, постоянно комментируемых начиная со времен Возрождения, хотя Луи Робер прекрасно их знал и множество раз вносил свой вклад в исправление существующих толкований. Прекрасный знаток греческого языка и литературы от архаической до византийской эпох, он умел, следуя примеру М. Олло и А. Вильгельма, сопоставить официаль-

² См., в частности, Gauthier 2007; Knoepfler 1986; Pouilloux 1986; Sartre 2003. О Жанне Робер см. Laborderie 2002, XXV; Herrmann 2003.

³ См., например, Robert 1966c, 99.

ные надписи с языком авторов – таких, как Полибий и Диодор, а сочинения поэтов, таких, как Аполлоний Родосский, Квинт Смирнский и Нонн Панополитанский, – с местными легендами и культурами⁴. Он мастерски издавал и комментировал эпиграммы: например, в своем исследовании о «Сатирических эпиграммах Луцилия об атлетах» он распутывает клубок аллюзий и отсылок к агонистической жизни в пародийных стихах XI книги «Греческой антологии»⁵. Равным образом он показал, как жанр эпиграммы получил продолжение в эпоху Поздней империи, особенно в текстах в честь наместников⁶. Луи Робер также внес заметный и оригинальный вклад в историю философии, комментируя надписи Арахозии и Бактрианы⁷.

Историк, заботящийся об исчерпывающем использовании источников, часто становится также издателем этих источников. Именно так и было в случае Луи Робера, в особенности в отношении текстов, вырезанных на камне, и именно вследствие этой стороны его деятельности его часто называют «эпиграфистом». Впрочем, это «существо, на мой взгляд, довольно мифическое», – писал он, отказываясь от этого ярлыка⁸. Однако именно в издании и интерпретации греческих надписей, которым посвящена основная часть его творчества, он раскрылся как мастер и глашатай метода, который с того момента следует считать определенным раз навсегда. В частности, так было в «Bulletin épigraphique», ежегодном бюллетене, который он и его супруга публиковали в течение 47 лет в «Revue des études grecques». В этом критическом обзоре, где его авторы анализировали все эпиграфические публикации предыдущего года, они не только наглядно доказывали ценность эпиграфики для истории независимо от ее разновидности (событийная история, история институтов, общества и экономики, религии, языка, ономастика и просопография и т.д.); здесь же Луи Робер выступал в роли жандарма этой дисциплины, или, если воспользоваться образом немецкого коллеги, который, впрочем, был одним из оппонентов Робера, он здесь являлся Гераклом, очищающим Авгиевы конюшни⁹.

Влияние Луи Робера и воздействие его трудов остаются такими сильными, что сегодня некоторые молодые ученые не могут отважиться погрузиться в эпиграфику без того, чтобы дистанцироваться от Луи Робера, высказывая, например, сожаление, что он оставлял без внимания архаическую и классическую эпохи. Это значит на самом деле не признавать того, что история выигрывает скорее от изучения эпох, относительно которых мы располагаем источниками в изобилии, нежели от повторного препарирования крупиц, оставленных, как в данном случае, самыми древними эпохами Греции; это значит также плохо понимать то, что предпочтение, отдававшееся Луи Робером эпиграфическим текстам эллинистической и римской эпох, было оправдано необходимостью обладать достаточно многочисленными свидетельствами для того, чтобы было возможно предложить «параллели», необходимые для восстановления и, шире, для интерпретации надписей. Блестящую демонстрацию этого метода параллелей он представил в своем исследовании 150–200 декретов в честь иностранных судей¹⁰. В целом своими работами Луи Робер показал, что не существует отдельно от надписей, называемых «историческими»,

⁴ См. ниже статью Л. Робера в переводе А.В. Белоусова, а также Robert 1975 (= OMS. VII, 185–224); 1980.

⁵ Robert 1969 (= OMS. VI, 317–431 = Robert 2007, 175–246).

⁶ Robert, *Hellenica*. IV.

⁷ Robert 1958 (= OMS. III, 1551–1562); 1964 (= OMS. III, 1563–1569); Robert 1968a (= OMS. V, 510–551 = Robert 2007, 533–565).

⁸ Robert 1966a, 412 (= OMS. VI, 36 = Robert 2007, 631).

⁹ Merkelbach 1985, 302–303.

¹⁰ Robert 1973d (= OMS. V, 137–154 = Robert 2007, 299–314).

каких-то «незначительных» надписей, к какой бы эпохе они ни относились, и что всякая надпись может быть для нас поучительной, не исключая ни списков подписавшихся на государственный заем, ни скромных эпитафий. Таким образом, их издание и комментарий также являются одной из задач историка.

Совершенное владение всеми письменными античными источниками позволило Луи Роберу приумножить наши знания греческой ономастики, и в этой области его труды, наравне с работами Ф. Бехтеля и О. Массона, остаются фундаментальными. С одной стороны, ему превосходно удавалось идентифицировать региональные и характерные местные имена, раскрывающие происхождение их носителей, например, в ономастических традициях, которые колонии наследовали от своих метрополий; с другой стороны, он стремился в совокупности имен, дошедших до нас в греческих текстах, произвести разделение между греческими именами и именами иного происхождения, например фракийского или малоазийского¹¹. В этом смысле образцовой является книга 1963 г. «Местные имена в греко-римской Малой Азии», название которой может оказаться немного обманчивым, поскольку Луи Робер здесь занят в первую очередь именами, происхождение которых – греческое, а не «местное», «азиатское» или «анатолийское», как он показал, полемизируя со своими предшественниками. Луи Робер писал скорее историю в отражении личных имен, нежели историю этих имен, показывая, как можно извлекать из них данные, значимые для истории культуры и религии. Не в меньшей мере ему удалось приумножить наши знания относительно «этниконов», прилагательных, обозначающих национальность, и топонимов, – в одном случае изучая формы этниконов и определяя условия их употребления сообразно категории документа и эпохе¹², а в другом, исследуя топонимы и изменчивые условия их сохранности в свете письменных античных источников, указаний западных путешественников на Восток в XVIII–XX вв. и картографических источников для Греции, Османской империи и Турции¹³.

Не в меньшей степени, чем как «эпиграфист», Луи Робер получил известность и как «нумизмат». Однако, будучи далек от того, чтобы изучать монеты как элементы каталогизируемой коллекции, он их использовал в качестве документов в тесной связи с другими историческими дисциплинами и, таким образом, внес значительный вклад как в дело высвобождения греческой нумизматики из изоляции, так и в изучение истории через нумизматику. Он исследовал имена на монетах, этниконы и имена магистратов, значение, какое медные монеты, распространенные в ограниченной мере, могут иметь для локализации городов; изучал внутренние изменения в городах в свете смены имен на монетах («метономасий») или на основании легенд, чеканившихся на монетах городами, соперничавшими друг с другом в императорскую эпоху; занимался определением монет по их упоминаниям в финансовых и бухгалтерских документах, а также вопросами денежного обращения¹⁴.

Высказывалось мнение, будто достойно сожаления то, что Луи Робер испытывал лишь незначительный интерес к археологии. Может быть, он не проявлял большого интереса к тонкостям стратиграфии и не был увлечен подсчетами распределения фрагментов керамики в ходе археологических разведок, что в наше время

¹¹ Robert 1968b (= OMS. VII, 141–157 = Robert 2007, 131–144); 1979 (= OMS. VI, 685–696 = Robert 2007, 145–156).

¹² См. Robert 1938; 1973c (частично перепеч.: Robert 2007, 471–499).

¹³ См. совместную с Жанной Робер статью: Robert, Robert 1977 (= OMS. VI, 469–521 = Robert 2007, 391–428).

¹⁴ О нумизматической тематике в трудах Луи Робера см. Knoepfler 2005 и de Callatay 2006.

считается альфой и омегой научной археологии. Однако стоит напомнить, что в течение примерно 12 лет он лично вел раскопки Амизона в Карию, а также Клароса в Ионии в окружении небольшой, но эффективной «команды», и их результаты были настолько плодотворны, что до сих пор опубликованы не полностью, по крайней мере результаты раскопок ионийского святилища. С другой стороны, достаточно прочесть последние страницы его речи «География и филология, или Земля и бумага», публикуемой ниже в переводе А.В. Белоусова, чтобы увидеть, с какой энциклопедической широтой он принимал в расчет результаты, полученные археологией, отказываясь, со своей стороны, отделять их от других источников. Образцовым в этом отношении служит его исследование, где сопоставляются декрет из Илиона, оксиринхский папирус, мраморные плиты и глазурированные ойнохои; в нем он восстанавливает множество фактов, прежде неизвестных, относительно общественного и частного культов Арсиной Филадельфы¹⁵.

Равным образом археология пронизывает область, которая в его творчестве была одной из самых новаторских. Внедряя географическую точку зрения в изучение греческой истории, Луи Робер создал «ретроспективную географию человека»¹⁶, основанную на исследовании ландшафта, его природных характеристик, его формирования и его древних следов – результате наблюдений самого ученого и его жены, сделанных во время их многочисленных путешествий по Греции и еще больше по Турции, а также наблюдений, которые он находил в описаниях европейских путешественников, побывавших в этих местах прежде них. Для Луи Робера это значило представить всякий памятник или его остатки в месте и в стране его происхождения, определяя местоположения святилищ и городов, составляя списки растительных и минеральных ресурсов, которыми располагали их жители, прослеживая пути сообщения и границы. Это означало обращать особое внимание на «роль среды» в духе французской географической школы, берущей начало от Видаля де ла Блаша и школы «Анналов», и строить историю ландшафта в «длительном времени». Луи Робер был первым, кто указал на важность *хоры* наряду с городами, уже давно открытыми археологами: он оказался пионером в исследовании внегородской территории полиса в Малой Азии, в частности в Карию, а также на островах Эгеиды.

Географический подход Луи Робера иногда определяли как «несистематический» и «романтический». Верно то, что автор не скрывал свою привязанность и даже ностальгию по отношению к образу и ритму жизни средиземноморского Востока до его урбанизации и индустриализации, как если бы XIX и начало XX в. все еще сохраняли и продолжали античность: так, в создаваемых им картинах он настаивал на долговременных или даже постоянных признаках сельского мира и его экономики, в первую очередь пастушеской и земледельческой. Тем не менее при необходимости Луи Робер умел ясно отметить то, что подверглось перемене со времен античности, как, например, в случае с территорией Прусиады-на-Гипии¹⁷. Отныне, пожалуй, возможно и необходимо более серьезно принимать в расчет экономическую эволюцию и разрывы в истории заселения и эксплуатации средиземноморского Востока на протяжении и после античной эпохи, а также принимать во внимание опубликованные сейчас результаты исследований (неизбежно коллективных), – археологических изысканий, которые, помимо прочего, в зна-

¹⁵ Robert 1966b (= OMS. VII, 599–635 = Robert 2007, 569–601).

¹⁶ См. в особенности OMS. IV, 63.

¹⁷ Robert 1980, 65.

чительной мере прояснили наши представления о промежуточных исторических периодах, византийском и оттоманском, по обеим сторонам Эгеиды¹⁸.

Владение всеми источниками и всеми специальными дисциплинами привели Луи Робера к реформированию многих областей древней истории. При этом верно, что его вкус к первичным источникам приводил к тому, что для его научного стиля были характерны прежде всего подробные разборы источников, так что, как некоторые полагали, следовало бы сожалеть об отсутствии среди его трудов обобщающих исследований, которые, конечно, не раз задумывались Л. Робером, но так и оставались проектами. В действительности посредством бесчисленных разбросанных замечаний, которые часто удавалось синтезировать его ученикам и читателям, он глубоко переработал политическую, религиозную и культурную историю греко-римской древности от Персидских войн и до Поздней империи.

Вероятно, одним из самых важных его достижений было выявление непрерывности эллинизма и институциональной жизни полиса: он наглядно доказал, что эта форма политической и территориальной организации, далекая от упадка после поражения при Херонее в 338 г. до н.э., продолжала успешно существовать и даже процветала в эллинистических монархиях и затем в Римской империи. С другой стороны, проводя различие между ранней и поздней эллинистическими эпохами, Луи Робер положил основание новой периодизации политической и социальной истории греческих городов, которая затем была уточнена Филиппом Готье: не классический период с V по IV в. и не весь эллинистический период с III по I в., а эпоха примерно с 400 по 100 г. до н.э. является временем наивысшего развития греческих полисов в качестве демократически организованных гражданских общин¹⁹. Луи Робер также изучал греческие города, с одной стороны, в их отношениях с их благодетелями, правителями и защитниками, будь то собственные граждане, иностранцы, эллинистические цари или римляне, и с другой стороны, в контексте их отношений друг с другом, будь то конфликты по поводу границ, миротворческая роль международного арбитража или гармоничное сосуществование благодаря институциональному *койне* эллинистического времени или вере в легендарное родство.

История, которой занимался Луи Робер, была равным образом историей культуры и историей религии. Он реконструировал волны заселения в эллинистическое время, определяя следы греческой, персидской и римской колонизации Малой Азии, и дал характеристику новооснованным поселениям, подчеркивая признаки географического распространения эллинизма вплоть до Ирана и Центральной Азии. Он показал, что романизация завершила процесс эллинизации Малой Азии и что Римская империя стала свидетелем триумфа ряда основных признаков греческой культуры. Среди прочего этот триумф обязан развитию греческих состязаний, и Луи Робер был первым, кто определил это явление как религиозный, общественный и культурный феномен, ставший в равной мере римским; и наоборот, в Восточном Средиземноморье императорского времени благодаря развитию императорского культа прижились гладиаторские бои²⁰. Таким образом, Луи Робер был историком «аккультурации» еще до того, как изобрели само это слово.

¹⁸ См. Mitchell 2009.

¹⁹ Gauthier 1985.

²⁰ См., с одной стороны, Robert 1984 (= OMS. VI, 709–719 = Robert 2007, 267–278); 1970 (= OMS. VI, 647–648 = Robert 2007, 247–266). Обе эти статьи изданы в английском переводе М. Лиану (M. Lianou) в сборнике: König 2010, 108–140. С другой стороны, см. также Robert 1940 (переиздана в 1970 г. с предисловием, в котором указаны ссылки на дополнения, опубликованные между 1940 и 1970 гг. преимущественно в Robert, *Hellenica* III, V, VII и VIII).

В области религии он внес значительный вклад в возрождение интереса к народным и сельским верованиям Малой Азии, в понимание текстов оракулов, в объяснение надгробных заклятий и магических практик, в изучение амулетов, христианских проклятий и эпитафий. Трудно найти, чего бы он не комментировал или не издавал, – вплоть до житий мучеников, Перпетуи в Карфагене и Пиония в Смирне²¹.

Обилие трудов Луи Робера заставляет нас здесь, рассказывая о них, прибегать к утомительному перечислению, в то время как его собственный гений всегда стремился к сопоставлению и комбинированию источников и дисциплин, а сам он всегда боролся против разобщенности специальностей. Держась в стороне от провозглашаемых модных методов и школ, он решительно высказывал свое мнение относительно принципов организации исследований и публикаций в области науки о древности; и сегодня эти страницы актуальны как никогда, а их содержание должно быть осмыслено и отнесено к гуманитарным наукам в целом²².

Со дня смерти Луи Робера прошло 30 лет. Имеем ли мы право вслед за другими задаться вопросом, в чем состоит его наследие и каково истинное значение его трудов?²³ Оно продолжает оставаться настолько впечатляющим, что дает повод к празднованию юбилеев и даже к «поклонению»²⁴, в том числе среди более молодых, которые читают Робера, не имея возможности узнать его лично. Многие совершают путешествие в Париж с целью паломничества в Фонд Луи Робера в Академии надписей и изящной словесности в Институте Франции, который с 1998 г. хранит наибольшую часть архивов Жанны и Луи Роберов, в то время как часть эстампажей была передана в Институт перспективных исследований в Принстоне²⁵. Многие пишут на основе неизданных материалов, сохранившихся в обоих архивах, – кто статьи, а кто и целые монографии²⁶.

Сам факт, что молодые ученые считают сегодня необходимым, одни – выразить свое почтение к этому наследию или даже осуществить публикации («в этом стиле»), другие же, – напротив, изо всех сил от него отмежеваться, причем, быть может, напрасно, доказывает его длительную и, дерзнем сказать, непреходящую ценность. Хотя научный прогресс иногда заставляет нас писать нечто вопреки Луи Роберу, давайте сознаемся себе в том, что еще долгое время будет невозможно писать о греко-римской античности, не проникнувшись или даже не пропитавшись насквозь его трудами. К этим трудам, которые не перестают читать, приложимы слова Луи Робера об эпитафике: она – «живая вода для наших исследований. Она всегда дает возможность свободно войти в мир открытий и испытать от этого радость»²⁷.

²¹ Robert 1982 (= OMS. V, 791–839); 1994.

²² Robert 1973a (= Robert 1973b = OMS. VI, 665–681 = Robert 2007, 115–129).

²³ Ср. Ma 2009; Jones 2009.

²⁴ См. Errington 2012.

²⁵ См., в частности, de Callataÿ 2006; Bresson, Rousset, Carbon 2007 (с предисловием Г. Бауэрсока). Что касается библиотеки Ж. и Л. Роберов, то Жанна Робер сперва подарила часть редких книг в Институт перспективных исследований. Немного позже, в апреле 2002 г., после кончины Ж. Робер и по просьбе наследников, вся оставшаяся часть библиотеки, огромная масса оттисков, книг и специальных выпусков, была передана в дар и поделена, под руководством Д. Фесселя, Ж.-Л. Феррари и Ф. Готье, между различными библиотеками Парижа: Коллеж де Франс (кафедра истории и эпитафики греческих городов и Византийская библиотека), Высшая нормальная школа, Практическая школа высших исследований и Центр Жерне – Глотца.

²⁶ Укажем, к примеру, Delrieux 2011 (содержит также полезные карты, показывающие маршруты путешествий Ж. и Л. Роберов); Virgilio 2011; Boulay, Pont 2014; Ferrary 2014.

²⁷ Robert 1961, 463 (=1981, 75 = 2007, 95).

Литература

1. *Boulay Th., Pont A.-V.* 2014: Chalkêtôr en Carie. P.
2. *Bowersock G.I.* 2008: Louis Robert: la gloire et la joie d'une vie consacrée à l'Antiquité grecque // CRAI. 152, 4, 1557–1573.
3. *Bresson A., Rousset D., Carbon J.-M.* 2007: Les estampages du Fonds Louis Robert // CRAI. 2007, 643–660.
4. *de Callataj Fr.* 2006: Les archives monétaires du Fonds Louis Robert de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres // CRAI. 150, 2, 737–741.
5. *Delrieux F.* 2011: Les monnaies du Fonds Louis Robert (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres). P.
6. *Errington M.* 2012: [рец. на:] Virgilio 2011 // <http://bmc.brynmawr.edu/2012/2012-10-31>.
7. *Ferrary J.-L.* 2014: Les mémoriaux de délégations du sanctuaire oraculaire de Claros, d'après la documentation conservée dans le Fonds Louis Robert. P.
8. *Gauthier Ph.* 1985: Les cités grecques et leurs bienfaiteurs. Athènes–Paris, 1985.
9. *Gauthier Ph.* 2007: Louis Robert // Robert 2007, 11–17.
10. *Herrmann P.* 2003: Jeanne Robert † // Gnomon. 75, 190–191.
11. *Jones C.* 2009: The Legacy of Louis Robert // JRA. 22, 735–738.
12. *Knoepfler D.* 1986: Louis Robert (1904–1985) // Revue Suisse de Numismatique. 65, 265–271.
13. *Knoepfler D.* 2005: Apports récents des inscriptions grecques à l'histoire de l'Antiquité. P.
14. *König J.* 2010 (ed.): Greek Athletics. Edinburgh, 2010.
15. *Laborderie J.* 2002: Allocution de M. Jean Laborderie, Président de l'Association // REG. 115, XXIII–XXVII.
16. *Ma J.* 2009: Essays by Louis Robert // CR. 59. 2009, 205–208.
17. *Merkelbach R.* 1985: Louis Robert † // ZPE. 61, 301–304.
18. *Mitchell S.* 2009: L'olive, Louis Robert et la répartition de la culture hellénique en Anatolie // L'Asie Mineure dans l'Antiquité. Échanges, populations et territoires / H. Bru, Fr. Kirbihler, St. Lebreton (éds.). Rennes, 439–446.
19. *Petzl G.* 2002: Louis Robert // Magistri et discipuli. Kapitel zur Geschichte der Altertumswissenschaften im 20. Jahrhundert / Appel W. (Hrsg.) Torun, 131–139.
20. *Pouilloux J.* 1986: Notice sur la vie et les travaux de Louis Robert, membre de l'Académie // CRAI. 130. 2, 356–366.
21. *Robert J., Robert L.* 1977: La persistance de la toponymie antique dans l'Anatolie // La toponymie antique. Actes du Colloque de Strasbourg, 12–14 juin 1975. Strasbourg, 11–63.
22. *Robert L.* 1938: Études épigraphiques et philologiques. P.
23. *Robert L.* 1940: Les gladiateurs dans l'Orient grec. P.
24. *Robert L.* 1958: Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka, II. Observations sur l'inscription grecque // Journal Asiatique. 246, 7–18.
25. *Robert L.* 1961: Les épigraphies et l'épigraphie grecque et romaine // L'histoire et ses méthodes / Ch. Samaran (éd.) (Encyclopédie de la Pléiade). P., 453–497.
26. *Robert L.* 1964: Sur une nouvelle inscription grecque d'Açoka // CRAI, 108, 1, 134–140.
27. *Robert L.* 1966a: Inscriptions d'Aphrodisias. Première partie // L'Antiquité Classique. 35, 377–432.
28. *Robert L.* 1966b: Sur un décret d'Ilion et sur un papyrus concernant des cultes royaux // Essays in Honor of C. Bradford Welles (American Studies in Papyrology, 1). New Haven, 175–211.
29. *Robert L.* 1966c: Documents de l'Asie Mineure méridionale. Genève–Paris, 1966.
30. *Robert L.* 1968a: De Delphes à l'Oxus, Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // CRAI. 112, 3, 416–457.
31. *Robert L.* 1968b: Noms de personnes et civilisation grecque. I. Noms de personnes dans Marseille grecque // Journal des Savants. 1968, 197–213.
32. *Robert L.* 1969: Les épigrammes satiriques de Lucillius sur les athlètes, Parodie et réalités // L'épigramme grecque (Entretiens sur l'Antiquité classique XIV). Genève, 179–295.
33. *Robert L.* 1970: Deux concours grecs à Rome // CRAI. 114, 16–27.
34. *Robert L.* 1973a: Discours d'introduction au VIe Congrès international d'épigraphie grecque et latine à Munich le 18 septembre 1972 // Bulletin de l'Association Guillaume Budé, 167–184.
35. *Robert L.* 1973b: Discours d'introduction au VIe Congrès international d'épigraphie grecque et latine à Munich le 18 septembre 1972 // Akten des VI. internationalen Kongresses für griechische und römische Epigraphik 1972. München, 11–27.
36. *Robert L.* 1973c: Sur des inscriptions de Délos // Études déliennes (Bulletin de Correspondance Hellénique. Supplément 1). Athènes, 435–489.

37. *Robert L.* 1973d: Les juges étrangers dans la cité grecque // Xenion. Festschrift für Pan. I. Zepos. Athen–Freiburg–Köln, 765–782.
38. *Robert L.* 1975: Nonnos et les monnaies d’Akmonia de Phrygie // Journal des Savants. 3–4, 153–192.
39. *Robert L.* 1979: L’onomastique grecque. Discours d’ouverture du VIIe Congrès international d’épigraphie grecque et latine // Actes du VIIe Congrès international d’épigraphie grecque et latine. Constanza 7–15 sept. 1977. Bucarest–Paris, 31–42.
40. *Robert L.* 1980: À travers l’Asie Mineure. P.
41. *Robert L.* 1982: Une vision de Perpétue martyre à Carthage en 203 // CRAI. 126, 2, 228–276.
42. *Robert L.* 1984: Discours d’ouverture du VIIIe Congrès international d’épigraphie grecque et latine // Praktika tou H’ Diethnous synedriou ellinikis kai latinikis epigraphikis Athina 3–9 Okt. 1982. Athina, 35–45.
43. *Robert L.* 1994: Le martyre de Pionios, prêtre de Smyrne, mis au point et complété par G.W. Bowersock et C.P. Jones. Washington.
44. *Robert L.* 2007: Choix d’écrits / Éd. par D. Rousset avec la collaboration de Ph. Gauthier et I. Savalli-Lestrade. P.
45. *Rousset D.* 2012: Louis Robert (1904–1985) // The Encyclopedia of Ancient History. <http://dx.doi.org/10.1002/9781444338386.wbeah04281>.
46. *Sartre M.* 2003: Louis Robert // Les historiens. P., 161–177.
47. *Virgilio B.* 2011: Le roi écrit: le correspondance du souverain hellénistique, suivie de deux lettres d’Antiochos III à partir de Louis Robert et d’Adolf Wilhelm. Pisa–Roma.

THE WORK OF LOUIS ROBERT, HELLENIST AND HISTORIAN OF GREEK CIVILISATION

Denis Rousset

The author discourses upon the scientific method of an outstanding French scholar Louis Robert (1904–1985), as well as upon the significance of his legacy for the modern study of antiquity.

Keywords: history of science, Louis Robert, Greek epigraphy.

École pratique des hautes études,
Paris, France

denis.rousset@ephe.sorbonne.fr